Иван Потявин

Сквозь залпы орудий

Иван Потявин

Сквозь залпы орудий

«Автор»
2024

Потявин И.

Сквозь залпы орудий / И. Потявин — «Автор», 2024

2020 год. Огромная, некогда великая страна дружественных народов, обращена в пыль гражданской войной, бушующей на протяжении множества лет. Коммунисты, желающие создать идеальное социалистически-утопическое государство, где человек со временем превратится в бездушную шестеренку огромной машины, сражаются против Федерации — объединения людей, которое не побоялось взять в свои руки оружие, чтобы отстаивать свои права и свободу. Идеи, отчасти давно стертые кровью сотен тысяч погибших, оставившие после себя лишь во многом разрозненное, но все еще старающееся не распасться общество. Постепенно исчезают любые ответы на вопрос "А зачем мы сражаемся?" - и все равно битва продолжается. Но даже в настолько, казалось бы, безнадежном и рушащемся мире двое молодых людей - юноша и девушка - найдут друг в друге тот самый свет в конце тоннеля, который впоследствии станет для обоих спасением и средством побега с полей извечных сражений.

© Потявин И., 2024
© Автор, 2024

Иван Потявин
Сквозь залпы орудий

Сквозь залпы орудий

Периодически вопившая на протяжении нескольких часов, сирена противовоздушной обороны в коем-то веке стихла. Повисла тишина. На белый подоконник вскочила рыжая кошка, в очередной раз укрывающаяся от обстрелов в жилом доме, уставилась на сидящую на диване у стены девушку. Та выключила наушники, в которых играла отвлекающая от надоедливого вопля сирен музыка, и, сделав несколько шагов, очутилась рядом со своим питомцем. Вздох.

– Снова нам не дают покоя, скажи, Масянь?

Усатая ничего не ответила, а лишь начала аккуратно тереться об мягкий мешковатый коричневый свитер той, чей на этот раз выпала честь принимать у себя прижившуюся к ее девятиэтажке кошку. Рыжий закатный свет заливал своей краской мирно мурчащую морду животного, и блестел на темных взъерошенных прядях девушки. В комнату, где сейчас оба находились, уходящего солнца попадало не так много. Задумавшись, Лена окинула свое жилище взглядом, тщательно осматривая каждое его составляющее. Местом проживания выступала недорого обставленная однокомнатная квартира на восьмом этаже. За окном типичный пейзаж спального района провинциального города – уходящие в даль ряды панельных зданий, скромно оборудованные дворы и дымящие вдалеке трубы промышленных предприятий и теплоцентралей. Вернее, ранее дымящих. В последнее время обстрелы и попытки штурма стали гораздо более частыми явлениями, поэтому не то, что трудиться на заводах, просто проживать в этом округе сейчас было крайне опасно. И все же, Лена тут оставалась, как и еще пара десятков человек, не решившихся покинуть свои дома, примкнув к какой-либо из воюющих сторон, уже долгое время раздирающих огромную, некогда единую страну. Девушка отошла от подоконника, прошла на кухню, следуя за сильным желанием выпить крепкого черного чая с двумя добрыми ложками сахара. Спустя минуту чайник начал нагреваться. У дверного проема, ведущего как раз на кухню, покачиваясь на надетом на торчащий из стены гвоздь, ремне, висел побитый жизнью автомат. Смотря на него, Краснова каждый раз вспоминала отца. В начавшемся более пятнадцати лет назад противостоянии он сразу же примкнул к рядам федеральных войск, но спустя первых два месяца боев, не вернулся домой – пал в неравной схватке с противником. Мать девушки ушла еще до начала гражданской войны от крайне мучительной болезни, поразившей ее легкие. Мысли о родителях часто навевали тоску и ощущение безысходности, поэтому, вспоминать о них Лена не любила, разве что за исключением тех случаев, когда по праздничным датам невольно создавалась нужная атмосфера, при которой хотелось погрузиться в прошлое, и вспомнить последний отмеченный всей семьей новый год, день победы, или какой-нибудь другой значимый юбилей или годовщину. Перед глазами каждый раз вставала картина этой же квартиры, с разложенным в комнате столом, бегающей с тарелками мамы и расставляющего сервиз отца. Проводы различных красных дат часто походили друг на друга, поэтому всплывающие при ностальгии воспоминания часто были одними и теми же, и поэтому, со временем создавали запутанную кашу и неразбериху во временной линии. За долгое время уныния, многие частички памяти слились воедино, ввиду чего, развивая немногочисленные и идентичные позитивные воспоминания о родителях, мозг начинал невольно связывать их с трагическими. Чайник вскипел, прервав печальное раздумье. Лена протерла тряпкой одну из стоящих в раковине со вчерашнего дня чашек и залила внутрь кипяток. ¶¶

Солнце почти полностью скрылось за горизонтом, наступило подходящее время для выхода на улицу, и пробежки до гуманитарного продовольственного пункта до его закрытия. Лена накинула свое пальто, вдела ноги в пару потертых черных ботинок, и вышла на улицу держа на плече отцовский автомат. Свет в окнах домов почти не горел, единственным освещением помимо исчезающего солнца, служили лишь местами работающие уличные фонари. Тротуары и асфальтированные дороги, проходящие между дворами, находились в плачевном состоянии, поэтому перемещаться приходилось крайне аккуратно, чтобы не подвернуть ногу или не упасть. На перекрестке в километре от места выдачи продуктов, дымился танк с красными звездами на башне, который, вероятно, подбили сегодня утром. Город, в котором проживала Краснова, находился прямо на линии боестолкновения, ввиду чего подобные явления встречаются нередко. Забрав свой паёк (полулитра молока, две бутылки воды, хлеб, и еще пары элементов основного рациона) оголодавшая выдвинулась назад, по пути решив осмотреть невольно списанную боевую машину. Внутри могли оставаться тела и снаряжение членов экипажа, которые можно было бы продать, либо обменять на еду. Пакет с провиантом был поставлен на землю, а сама девушка спешно полезла к люку на башне танка. Внутри, действительно оказалось несколько мертвецов в стандартном снаряжении "Красных" танкистов. Несмотря на то, что Лена не была из ряда особо брезгливых, обшаривать трупы для нее было крайне неприятным занятием, да и время для этого уже было совсем неподходящее. Солнце ушло с концами, а свет от ближайшего фонаря внутрь не попадал. В итоге пришлось обыскивать с фонариком в одной руке. Прощупав синтетический разгрузочный пояс и кобуру одного из служивых, из полезного, был найден пистолет и несколько обойм к нему. Но не успела искательница перейти к следующему телу, как снаружи, через открытый люк, послышались шаги. Безусловно, это могли быть здешние жители, но, с другой стороны, опыт жизни в прифронтовом районе, учил перестраховываться трижды. Автомат в миг оказался закованным в сильную хватку. Из оружия, между прочим, девушка еще никогда не стреляла, и носила с собой по большому счету ради чувства безопасности и уверенности. Шаги прекратились, как только автомат Лены издал щелчок снятого предохранителя.

– Кто здесь? – Послышался едва не дрожащий юношеский голос. Над люком пронесся луч фонарика.

«Не солдат», – подумала Лена, был бы солдатом – затих бы сразу. Облаченный в пальто силуэт медленно показался из танка. В ее лицо сразу ударил яркий белый свет, отошедший в сторону через пару секунд.

– Кто там? – Внизу, рядом с пакетом в котором лежал паёк, стоял молодой человек лет 19 на вид, одетый в военные штаны со множеством карманов, серую майку с короткими рукавами, и в жилете. С плеча сползали лямки большого походного рюкзака, а в руках юнца красовался устрашающий своими размерами пулемет. Фонарик же, удерживался на ремешке вокруг головы на уровне лба.

– Я?.. Я местная. Мирная. Тут живу. А вот ты откуда? Что-то я среди наших…тебя не видела – Лена изо всех сил вглядывалась в затемненное лицо, стараясь распознать хоть какие-то его черты.

Молодой человек спешно оглянулся по сторонам, после чего быстро выдал:

– С другой стороны. Но в боевых действиях сейчас участия не принимаю. Я тебе не враг.

Юноша выключил фонарик, и отошел в сторону. Краснова вылезла из танка, не решаясь продолжать и без того малоприятные поиски, пока рядом находится незнакомец. Спрыгнула на землю, и отряхнула ноги от сажи.

– Участия не принимаешь… А чего тебя сюда явиться угораздило?

Раздался щелчок зажигалки. Парень поджег сигарету, вынутую из серой помятой, жухлой пачки с красной звездой. Закурил. Темный дым струйкой поднялся вверх

– Да… заблудился я, скажу честно. Перевели на новый участок, а я здесь ну прям… совсем не ориентируюсь – юноша посмотрел на наручные часы. Время близилось к десятому часу.

– Интересный случай, – Распознав в глазах потерявшегося неподдельное непонимание и надежду, Лена с зевком потянулась, начав мысленно прокладывать дальнейший маршрут, – пойдем значит до КПП бывшего, ваши же разнесли недавно. Там карта должна быть. Я ведь окрестностей по ту сторону не знаю.

Путник кивнул. Девушка, предав часть своих устоев из небывалого прилива альтруизма, вышла вперед, чтобы в случае чего, предупредить своего спутника о приближении кого-либо из местных или военных. Пройдя 5 минут, она задумалась о том, почему так печется помочь этому "Красному", ведь в любой момент он может нашпиговать ее свинцом со спины. Но ведь если подумать, то он почему-то все еще этого не сделал, что указывало на то, что помощь действительно требовалась. А помогает она ему по той причине, скорее всего, что крайне обделена человеческим вниманием в любое его форме, и сейчас даже ради короткого диалога была готова рисковать. Вечер был удивительно спокойным. Особой засветки, фонари, работающие лишь местами, не давали, ввиду чего становилось возможным увидеть залитое непропорциональной блестящей крапинкой небо. И звезд было на самом деле много, и далеких, и тех, кто чуть-чуть ближе к Земле. Завораживающая картина, особенно для Лены. С возобновлением активных боевых действий в близь города, она вела крайне отшельнический образ жизни, большинство своего времени проводя дома, и не контактируя с другими людьми, так что такой непривычный пейзаж вызывал восторг. На улицах было крайне тихо, лишь временами раздавались глухие хлопки от взрывов артиллерийских снарядов где-то вдалеке. Пока что теплый августовский ветер, еще не сменился на противный осенний, и не мешал наслаждаться чудесной атмосферой летнего вечера, хоть и в такой неестественной обстановке.

– Тебя как звать-то, если не секрет? – Лена прорвала надоедливый ком в горле.

– Секрет… – парень усмехнулся, – Юра я, а ты кем приходишься? – юноша подошел поближе.

– Елена. Или Лена, или Ленка, как хочешь, так и называй.

– Лена звучит хорошо. Имя такое… простое, и в то же время красивое.

– Спасибо… – девушка затихла в легком смущении.

И снова пауза. Несмотря на то, что у обоих присутствует желание продолжать диалог. Но время все равно шло, как и уменьшалось расстояние до точки назначения. Вскоре уже перед глазами показались развалины пропускного пункта. Небольшое двухэтажное бетонное здание с обилием копоти, разбросанных осколков, и опавшей штукатурки. Изорванные воронами, и прочими падальщиками, тела лежали, распластавшись по полу. Лена подошла к одной из пустующих оконных рам.

– Я сейчас, – девушка перелезла, едва не задевая торчащие остатки цельного стекла.

Под ногами зазвенели валяющиеся на полу гильзы. Данный КПП, тем более, для столь неважного со стратегической точки зрения, города, был оборудован весьма неплохо. На первом этаже стояло несколько столов с различной техникой – компьютеры, чье изображение на мониторах выводится с камер видеонаблюдения, различные сканеры и инструменты для вскрытия чего-либо, где, или в чем, может находиться запрещенные для провоза предметы. На стене висела пожухлая, и местами оборванная карта окрестных территорий, на ней даже был обозначен ближайший опорный пункт "Красных". Лист был приделан к доске несколькими пластмассовыми кнопками разных цветов. Те были быстро сняты, а карта спешно свернута. Ввиду того, что в подобных местах Краснова бывала не часто, девушка решила воспользоваться случаем, и осмотреть помещение на наличие ценных вещей, отчасти позабыв о том, что снаружи ее ждут. Лена начала обыскивать ящики столов. В основном ящики заполняла пыль, множество не имеющих стоимости бумаг, и различная канцелярия в виде ручек, скрепок, и других

принадлежностей. Отодвинув одну из нижних полок, девушка увидела перед собой что-то на подобии нагана, только гораздо больше. Рядом хаотично валялось несколько цилиндрических предметов, напоминающих огнестрельную дробь. За спиной послышались глухие шаги, сопровождаемые шелестом раскиданной по полу документации.

– Ну чего там?

От направленного в свой адрес, чужого голоса, на мгновение по спине Лены прошелся холод. Через миг она вспомнила, что пришла сюда совсем не одна.

– А? А… точно, карта… – девушка резко протянула парню свернутую карту.

Юноша развернул ее на ближайшей стене, и начал тщательно всматриваться в каждый квадратный сантиметр.

– Наизусть учишь?

– Да. По пути, боюсь, могу не иметь возможности подсмотреть, там ведь все просматривается, а внезапный фонарик без внимания могут и не оставить.

– Давай я тебя провожу, – сказав это, Краснова слегка оторопела, она не думала, что говорит, и теперь боялась недопонимания. Тревожность усилилась, как только парень замолчал. В целом, все ее действия, осуществляемые за последнюю треть часа, было тяжело объяснить с точки зрения ее обыденных принципов. При общении с Юрой ее поведение с присущих ощетинившемуся ежу, сменились на беспорядочные попытки сблизиться, используя все доступные способы. Осиротевшая часть сознания, некогда отвечавшая за социализацию, бравурно ликовала, в то время как сформировавшиеся инстинкты самосохранения, сокрушаясь, бились лбом о стену.

– Не надо. Опасно. Лучше…направляйся назад, и…вот, возьми, вдруг пригодится, – Юра протянул девушке ею же найденный сигнальный пистолет, и несколько собранных с полки патронов, – надеюсь, знаешь, как пользоваться.

После этих слов, молодой человек попрощался, и спешно удалился в темноту. Лена еще какое-то время стояла на месте, обдумывая прошедшие за последний час события.

Комиссаров старался идти как можно аккуратнее. Вдали, лучи ярких прожекторов рыскали по черной небесной бездне. Эти светила стали спасительным ориентиром для возвращающегося назад разведчика, ибо видимость была совсем не из лучших. Где-то послышалась канонада тяжелых гаубиц, снаряды которых, суды по всему, обрушились на землю Федерации. Спустя пару минут грохот повторился, только гораздо более тихий, и судя по направлению звука, исходил он уже с другой стороны. Обычно, парень радовался, когда на протяжении ночи противника поливали градами артиллерии, ведь это значило, что спать можно спокойно, а утро не рискует стать временем, когда федеральные войска захотят напасть, ведь сначала потребуется восполнить потери. Сейчас же, что-то неясное поколеблено в нем эту уверенное чувство наслаждения. Он отчасти не хотел этого признавать, но в глубине души юноша крайне надеялся на то, что ни один 152 мм снаряд не угодит в тот дом, где проживает встретившаяся ему, и засевшая в сознании приятным воспоминанием, девушка.

Юра ускорил шаг, стараясь отвлечься. Ему всегда говорили, что подобное сострадание подрывает верность по отношению к своим. Не то чтобы он корил себя за подобные мысли, но… во всяком случае, считал, что зря их допускает.

В это время, возвратившаяся восвояси уже звенела связкой ключей, проворачивая их внутри дверного замка. Из-за двери было слышно счастливое мяуканье. Оставив обувь в прихожей, девушка прошла на кухню, и аккуратно поставила на плитчатый пол пакет провианта, возвращаясь за которым, приходилось делать неплохой по своей дистанции круг. Через некоторое время послышался свист чайника, на стол у подоконника была поставлена дымящаяся кружка и тарелка с наспех сделанными сырниками. Лена тихо села, не включая свет, и глядя в окно приступила к своему скромному ужину. У ног еле-слышно мурча, терлась Маша. Странно, почему-то ощущалась какая-то непонятная усталость, хотя, казалось бы, уходящий

день не был особо активным. Быть может, это все от переживаний? Но, с другой стороны, откуда у них такая сила? Не исключено, что это просто с непривычки. Многие прозвучавшее в голове вопросы остались без всякого ответа. За окнами постепенно начались выключаться окна с уличными фонарями. Теперь и до спальных районов донесся грохот артиллерийских орудий. Страх отсутствовал, по ее кварталу бить не станут – нет смысла. Сейчас ее гораздо больше волновали внутренние переживания, ведь они столь долгое время были для нее чем-то чуждым, неизвестным. Те же рассуждения, между прочим, прогонял в своей голове и Юра, когда мысли о порочности подобных суждений отступили, подошло осознание в целом. Война часто тянула одеяло всех раздумий и чувств на себя, не оставляя остальным жизненным аспектам должного внимания. Так и родилась такая первобытная реакция, на, казалось бы, вполне естественные человеку чувства. Эту первобытность два молодых человека и пытались побороть на протяжении всей ночи. ¶¶

Жаль только, что все же позволить столь долгие размышления себе мог не каждый. Разрушившая рассветную умиротворенность своим протяжённым воем, сирена резко подняла на ноги спокойно спящих солдат. На горизонте виднелась авиация противника – не самые новые борта, но, тем не менее, опасность они представляли достаточную.

Рев, издаваемый громкоговорителям, сменился на шипящий от паршивого качества динамиков голос, призывающий военнослужащих немедленно привстать к зенитным орудиям. Казармы быстро ожили. Повсюду заносились люди по пути одевающих на себя различные элементы верхней одежды. Юра выбежал из своей палатки, содрогаясь от раннего утреннего холода, и выдыхая в воздух клубы пара. Много орудий ПВО на месте не наблюдалось, был лишь импровизированный склад с совсем немногочисленными переносными ЗРК, и одна, и без того побитая жизнью ЗСУ. Солдаты спешно похватали имеющееся вооружение, и принялись наносить удары по летящим на них штурмовикам. В разные стороны начали разлетаться вылетающее веером тепловые ловушки, отвлекающие на себя немногочисленные самонаводящиеся ракеты. Юра бросился к стоящей рядом ЗСУ, взобрался, поднял мокрый от росы люк, и запрыгнул внутрь. С небольшим скрипом было сдвинуто несколько рычагов, и холодный метал, стал постепенно прогреваться от начавшего свою работу двигателя. В машину залез еще один парень – молодой зенитчик, последний из этой части, кто имел должное понятие о том, как противостоять самолетам врага. Как только машина начала наводиться на цель, недалеко раздался рев земли от обрушившихся на лагерь ракет. Штурмовики врага пошли на второй круг. Установка быстро заняла позицию на небольшой возвышенности, и с оглушительным треском дала первый залп. Послышался ответный треск шестиствольных пулеметов. Стрелок – красноармеец прицелился, и вывел из строя один из самолетов, теперь уже, пикирующий на землю в черных клубах. Тем не менее второй налетчик атаку завершил вполне успешно. ЗСУ продолжила вести огонь, когда теперь над горизонтом поднялись еще и ударные вертолеты. Утренняя бойня длилась около получаса, после чего подбитая, но все еще сопротивляющаяся зенитка осталась единственной, кто был способен что-либо противопоставить яростным налетам. В это же время, Юра и его товарищ насчитывали в списке своих устранений уже 3 единицы воздушной техники. Один из парней поднял люк, с целью осмотреться, используя бинокль. Тихо. Пусто.

– Думаю…мы можем выходить, – с некой долей радости и облегчения сообщил сослуживец Юры.

Двое молодых людей покинули боевую машину, спрыгнув на влажную траву. Позади потрескивали горящие палатки и полевые склады с припасами и остатками вооружения. Во все стороны разлетались сотни искр, а в небо уходил черный столб густого дыма. Юра обернулся в сторону пожара. Лагерю досталось изрядно, ракеты быстро похоронили немногочисленную пехоту, и сровняли с землей практически всю, и без того хлипкую инфраструктуру. Ужасающее осознание еще не пришло до конца. Осознание того, что сейчас они вдвоем находятся во

многих десятках километрах от ближайшего крупного аванпоста "Красных", и по сути, сидят прямо на мушке вражеской авиации и разведывательных дронов. К этому моменту ярко-оранжевое солнце уже частично выходило под линию верхушек далеких деревьев. Однополчанин Комиссарова медленно пошел в сторону руин, видимо, желая найти какое-либо средство связи. Именно в этот момент в далеком нежно-розовом небе послышался гул, быстро перешедший громкий свист, и продлившийся всего несколько мгновений. После чего все резко залило белой пеленой, уши заткнул противный, оглушительный звон, а нить сознания временно оборвалась, погрузив юношу в абсолютною темноту.

Когда зрение вновь вернулось, уже окончательно смеркалось. Сквозь залившую ноздри кровь чувствовался совсем слабый запах пепла и чего-то, гораздо более сладкого. Перед лицом маячили легкие, темные волосы от которых приятно веяло знакомыми вкусными духами. Данный аромат прочно засел в памяти еще с прошлого вечера. Юра решил прикрыть веки. Голова немного побаливала, к тому же обрывать подобный, до остолбенения неестественный, но приятный момент не хотелось. Усердно бинтующая плечо Лена отпрянула, что стало понятно по исчезновению прохладного дыхания у уха. Желание разобраться в ситуации все же заставило солдата открыть глаза. Перед раненым предстала поистине лишающая речи картина. Остатки закатного солнца пробивались через не самые аккуратные, но крайне очаровательные, милые кудри, а взгляд девушки хоть и был крайне усталым, тем не менее продолжал удерживать планку обворожительной красоты. По лбу сползала мелкая капля пота, которая была быстро убрана легким движением тонкой руки. Вдруг юноша понял, что его тело не изнывает от той жгучей боли, что, как правило, должна присутствовать, по крайней мере из-за обильного количества впившихся в туловище осколков и открытых ран.

– Очнулся… – голос Лены звучал очень тихо и утомленно.

– Лена? Почему и как ты меня нашла?

– Долгая история. Если кратно, то у моего отца была рация, работающая на военном канале. Я иногда включаю ее по ночам, чтобы быть в курсе событий. И мне просто повезло, что я услышала тот раздрай, что происходил ранним утром. С трудом поняла, что вас собираются атаковать. Вспомнила о тебе, заволновалась…

Юра осмотрелся. Руки, с запястий по локти покрыты бинтами, рукава куртки закатаны и замяты до бицепса, а ее края имеют гораздо более темный, налитый кровью, нежели остальная ткань, оттенок. Между прочим, лежал он сейчас совсем не там, где получил ранения. Лагеря не было видно. Лена сидела на траве и устало улыбалась. Голубые, глубокие как само темнеющее, покрывающееся бесчисленным количеством звезд небо, глаза, с некой доли радости и облегчения, смотрели на лежащего рядом юношу. По-хорошему, уже наступило время идти дальше, но по некоторой причине, оба старались оттянуть момент для того, чтобы об этом заявить. Хотелось побольше насладиться подобной минутой столь специфических обстоятельств. Почему-то у Юры в данный момент родилось абсолютно сумасбродное, по его мнению, невероятной силы желание прильнуть своей спасительнице, положить голову на ее женственные плечи, укрыться тонким коричневым пальто, и аккуратно поцеловать. После чего признаться сидящей напротив девушке, в самых искренних и красивых чувствах. О подобном он задумывался впервые. Пришедшее на ум казалось чем-то настолько далеким, чуждым и страшным, что юношу передернуло. Некая близость между людьми, помимо боевого товарищества, отсутствовала на слуху уже не один год. О каких действиях могла идти речь, если одичавший разум даже задумываться о подобном мог исключительно с жуткой дрожью и совсем не на долго, как некто подглядывающий в замочную скважину за чем-то для него непонятным и пугающим? К тому же, перед подобными раздумьями надо было определить для себя то, что вообще означают чувства. Хотя, в то же время, Краснова могла бы быть совсем не против столь фанатичной и отчаянной близости. Все же, стараясь руководиться остатками здравого смысла, никто не решился на подобное геройство.

– Вероятно, нам пора идти? – крайне неуверенно спросила Лена

– Наверное так…

Юра предпринял попытку подняться. Идти можно было спокойно, хоть ноги слегка завывали. Спустя долгий час простирания сквозь темноту, пара добралась до населенного пункта. Мессия молча повела парня домой. При обычных обстоятельствах подобный жест справедливо расценивался бы как нечто романтическое, но в текущих обстоятельствах подобная мера была необходимой. Молодые люди отужинали наспех приготовленной из пайка порцией макарон с мясом, выпили по кружке безвкусного, синтетического черного чая, и улеглись на диван, в разные его стороны, позабыв о всех ужасах войны, как глобальных, так и пережитых сегодня.

– Хочу сказать тебе… большое спасибо за то, что ты для меня сделала. Обещаю, в долгу не останусь, и -…, – хотел было продолжить юноша, но из темноты послышалось протяжное сладкое сопение.

Находясь здесь, в бесшумной квартире, бок о бок с чарующей новой знакомой, Юра, к своему удивлению, не чувствовал на себе постоянно преследующего бремени воинского долга. Временно отстранившись из-под вездесущего взора Партии, принудившей его бросить все, и идти воевать, он просто наслаждался текущими минутами, до конца не понимая, что, и по какой причине происходит. По сути, он и не старался понять, в этом не было совершенно нужды (по крайней мере, такое ощущение присутствовало на данный момент). Погружаясь в сон, Комиссаров обдумывал прошедший день, который начинался с трагедии, а закончился чередой согревающих сердце событий. Но на фоне наслаждения, периодически обостряясь, душу терзало напоминание о том, что на рассвете юноша потерял всех своих сослуживцев. Подобную боль он испытывал уже далеко не в первый раз. Нельзя сказать, что Юра был совсем обделен привыканием к подобному, но все же переживал он изрядно, хоть и внешне это распознать было сложно. Он знал своих здешних товарищей лишь едва. На назначение на Дальнеполярный участок было получено совсем недавно. Но переживание скорее было не из-за потери близких друзей или знакомых, а в следствии смерти как таковой. Ведь их жизнь мало чем отличалась от его. Такая же типовая, одинаковая судьба просто рядового, из коих состоял многомиллионный костяк Красной армии. Для таких, как он каждый день имел равные шансы на то, чтобы стать последним. Под влиянием воодушевляющей пропаганды задумываться о подобном часто не приходилось, от того мысли о гибели пугали. От неимения привычки к ним. Смерть всегда пыталась преподноситься как что-то героическое, что-то, в некотором роде торжественное. Нередко возвращаясь из боя Юра слушал речи, посвященные своим павшим товарищам, не раз бывал на красных похоронах, где пор бравурные марши хоронили в землю сотни тел. И так или иначе во всем вышеперечисленном главной мыслью всегда была идея. Высшая идея о социализме, Партии, вождях и классовом равенстве. Смерть получила прочную ассоциацию с чем-то праведным, с высшей идеей. Сегодня же, ни с какими патриотическими почестями он не сталкивался. Простая, тупая голая смерть. Никаких маршей не прозвучало, посмертно никто не награжден, а десятки тел остались догорать и гнить на пригорке. Возникло до тошноты странное ощущение какой-то незаполненности, необработанности чувств, к которой юноша так сильно, хоть и невольно пристрастился. Из-за чего, на какой-то отрезок времени страх смерти почти что достиг уровня первобытного, необузданного. Мозг начал ожесточенные дебаты, между тем, чтобы оставить все, и остаться с Леной, или вернуться под красные знамена.

Спустя час мытарств, идейность одержала верх над людскими чувствами, а в некотором роде, еще и над здравым смыслом. Печально воздохнув, юноша бесшумно поднялся с дивана, и написал лежащей на секции ручкой благодарственно-прощальную записку, в которую сейчас были влиты самые красноречивые и душевные слова, что ее автор только смог тогда припомнить. Встав у двери Юра в очередной раз окинул взглядом покидаемую комнату, после чего

все же решился подойти к Лене, и немного нагнувшись к её лбу, легонько, с долей страха, поцеловал. ¶¶

Столб за столбом, в даль уходили линии электропередач. Лязг гусениц и тихий скрип колес вывели новобранца из состояния сна. Комиссаров лежал на ящиках с боеприпасами, укрытыми бледно-желтым брезентом, широко раскинувшись. Пробуждение также ускорил рев залпов реактивной артиллерии. Огненные полосы уходили в небо, исчезая высоко над горизонтом. Юра поднялся на ноги, потер заспанные глаза, и уселся на то же место, где только что дремал. Юноша осмотрелся. Среди тех солдат, что находились в грузовике, когда его только сморил сон, виднелось пополнение в виде нескольких новичков. Конечно, сам молодой человек не мог назвать себя пожившим ветераном, но все же был способен отличить свежего мобилизованного, и бывалого вояки. В глазах виднеется некий восторг и радость, особенно при наблюдении за стоящими недалеко от дороги РСЗО. В подобные моменты, легкомысленный разум совсем не придает внимания тому, что несмотря на всю прелесть отечественного вооружения война идет уже не один год, а число погибших составляет не одну сотню тысяч таких же ребят, как и он сам. Этим юнцам еще только предстояло прознать на себе все ужасы боя, причем ждать этого момента осталось совсем недолго. Колонна бронетехники направлялась к степям, находящимся немного южнее города, где сейчас находится заполнившая разум Юры девушка. Разве что мысли о предстоящем сражении могли на время заставить его думать об ином. В целом, Юрий не был мечтательным, мысли о чем-то высоком, а тем более о таких чувствах как симпатия, и возможно, даже, любовь, вовсе обходили его стороной. Он являлся человеком, живущим по образцу, по общему шаблону. В его случае дет. сад, он же интернат, затем университет, или же, как заставила судьба – военкомат. Разве что сейчас, мысли, преследующие его уже на протяжении вторых суток, начинают намекать о том, что этим рамкам уже давно пора бы сломаться. Появилось желание резко что-то в себе поменять, вопрос – что именно? Не может ведь он прямо сейчас швырнуть на пол каску, с криком "Мне хочется свободы! ". Ведь, с другой стороны, ему еще так много нужно разъяснить самому себе. Чего я хочу? Зачем мне это? Точно ли я этого хочу? Да и конце концов – Кто я? Лена принесла в его разум крайне большое количество новшеств, став, в своем роде, дырой в "железном занавесе", которым было закрыто сознание Юры. В этот момент в голове солдата подул легкий ветер перемен, последствия которого, предугадать будет невозможно…

Несколько радостных возгласов неподалеку вывели парня из бунтарских раздумий, снова поставив на место преданного солдата Красной армии. Причиной же восклицаний стала появившаяся из-за лесополосы пара танков, ставшая небольшим прикрытием транспортной вереницы. Невозможно было смотреть на лица новобранцев без некого умиления. Коммунистическая пропаганда сделала свое дело, тщательно скрыв всю темную сторону военного конфликта. По сути, в головы мобилизованных, заранее закладывались только две вещи – что гибель за Партию является великой честью, и что воевать против Федерации занятие бравое. Иная сторона всегда преподносилась общественности как сборище озлобленных и нелюдимых террористов, мешающих человеческому процветанию (В целом, по иную сторону баррикад происходило то же самое). Выглядели многие солдаты, между прочим, максимально соответствующе. Каски были расписаны лозунгами типа "За идеи партии! " или "К победе Коммунизма! ", вверху развивались многочисленные флаги ново созданных батальонов, а среди ярых бесед можно было услышать планы о продаже многочисленных будущих боевых трофеев.

Но уже спустя несколько минут, все встало на свои места, вскрылась правда. Около сотни партизан Федерации атаковали транспорт используя гранатометы и подрывные устройства. Налет был отбит, после чего поступил приказ о перегруппировке. Солдаты спрыгнули с техники, заняв позиции за природными укрытиями. Бой шел посреди части тундры, переходящей в еловый лес, ввиду чего большого изобилия укрытий рядом не наблюдалось. Юра, вместе с несколькими новобранцами спрятался за небольшим, поросшим мхом пригорком.

Взрыв. На воздух взлетела стоящая рядом бронемашина. Послышались многочисленные пулеметные очереди, прижавшие большинство обороняющийся к их нынешним позициям. Всего один раз у Юры выдалась попытка выглянуть из-за насыпи, и то всего на пару мгновений, которые, по существу, ничему ему не дали. Невозможно было определить точки ведения огня. Враги, казалось бы, просто слились с почвой и без того редкими растениями. В пылу сражения юноша взглянул на своих товарищей. Теперь это были совсем другие люди. Прижимая к себе автоматы, они расширившимися от страха глазами смотрели на Юру. Сейчас он был для них единственной опорой и надеждой. Взгляд перешел на остальную видимую часть поля боя. На протяжении всего уходящего от дороги склона сидели, корчились от боли, ползали и прятались солдаты. Десятки уже истекали кровью, многие бездыханно валялись на земле. Лишь спешно определенная на глаз треть от изначального состава продолжала пытаться отстреливаться. Теперь стало понятно, почему данную высоту не удается взять уже которую неделю. Какие шансы имели идущие в свой первый бой мальчишки, против натренированных егерей Федерации? В мозгу ударила бьющая током мысль – либо они все сейчас умрут, либо придется рискнуть всем, и возможно остаться в живых. Первое пугало особенно сильно, ещё двадцать минут назад он мечтал поскорее увидеть Лену, и попросту не мог сейчас умереть. Не должен был. Чудом, страх был быстро взят под контроль, а здравый рассудок пришел к единственному небезнадежному выходу из сложившейся ситуации.

– Я считаю до трёх, и выбегаю. Вы за мной. Пытайтесь подавить их огневые точки, – Юра обратился к сидящим рядам однополчанам.

Ответом послужили несколько робких кивков. Один. Два. Три. Под громкие крики "Ура! " красноармейцы выбежали из своего укрытия, начав стрелять по всем точкам, где при выстрелах загорались яркие огни автоматных очередей. В этот момент, видимо, понятие о том, что-либо сейчас они встанут, и смотря смерти в лицо продолжат сражаться, либо погибнут, пришло к остальным. Компенсируя страх яростными возгласами, все больше молодых новобранцев выпрыгивали из своих убежищ, начиная покрывать предполагаемые вражеские позиции свинцовым дождем. Внезапно местами начала вздыматься земля. "Федераты" вели огонь из ручных гранатометов, покрывая защищающихся стрелков грудами почвы и ошметками от тех, в кого удачно прилетал снаряд. Некоторые из "Красных" отвечали тем же. С затуманенным от адреналина и ужаса разумом, имеющие при себе тяжелое вооружение, юноши автоматически следовали рассказанным ранее инструкциям, стреляя в заволоченную дымом низину, в надежде нанести врагу хоть какой-то ущерб. Раздался громкий треск крупнокалиберного пулемета, стреляющего снизу, и рыхлящего как почву, так и встречных пехотинцев. Перезаряжая автомат Юра, вернулся за валун, параллельно осматривая поле боя. Стояла невыносимо громкая какофония, крики раненых, взрывы, очереди различного стрелкового оружия, и тихие, тупые удары падающих на землю тел. С дороги начала ведение огня турель бронетранспортера, прикрывая обороняющихся солдат. Комиссаров снова выскочил из-за камня. На этот раз он смог отчетливо разглядеть несколько поднимающихся на склон солдат Федерации. Идущий впереди держал наготове пулемет, и быстро устранял всех мешающих его продвижению. Партизаны начинали продвигаться к дороге. Если они, имея все свой перевес по огневой мощи, подойдут слишком близко, то перебьют всех, кто остался, не давая "Красным" ни единого шанса на победу, или спасение. Дым от гранатометных очередей начал рассеиваться, и перед глазами пристала крайне пугающая картина. Бегло пробежавшись глазами, можно было увидеть, хорошо если десятерых выживших, но не больше. Заряжая последние обоймы, оставшиеся новобранцы продолжали останавливать идущее снизу наступление. Склон же заполонили изуродованные взрывами и пулями тела. Юра подтащил к себе один из лежащих рядом трупов, затем быстро снял с его плеч гранатомет, висевший на плече. На поясе покойного оставался один нетронутый боеприпас, который был незамедлительно подготовлен к выстрелу. Юноша отполз назад, откуда ранее не вел пальбы, и прицелившись в самый крупный подступающий

отряд, нажал на спусковой крючок. Несколькими врагами меньше. Секунду спустя, в нескольких метрах за спиной что-то, сначала звонко зазвенело, а потом с грохотом рвануло. Юру ткнуло лицом в землю. Уши заполонил пронзительный писк. Солдат обернулся. За его спиной, на дороге, из остатков корпуса прикрывавшей его, и остальных бойцов БМП, в высоко вверх поднимались языки красного пламени. Сдетонировал ракетный боекомплект. Парень поднялся с земли. Взгляд плыл, а спину что-то ужасно обжигало. Из глотки вырвался болезненный, сдавленный крик. Несмотря на это, Юноша продолжил вести стрельбу, и через время, сорвал с бронежилета единственный остававшийся в запасе магазин. К этому времени, звуки союзной пальбы практически сошли на нет, в поле зрения оставался лишь один, зажавшийся в угол, но все еще пробующий отстреливаться, мальчишка, с периодически заваливающейся на глаза каской. Безумно хотелось выбежать из-за всех укрытий, и прикрывая собой, последнего ополченца, и выпустить последние тридцать пуль в атакующих. Мешали все ещё не желающие оставлять его, проблемы с координацией. Юра пошатывался из стороны в сторону, стараясь приблизиться к основному простреливаемому участку. Но как только было принято решение вылезти дальше, раздался оглушительный гул, и множество раскатистых хлопков. Неизвестно по чьей команде, свой гибельный шквал на склон обрушила реактивная артиллерия. Солдат лег на землю, закрыв руками затылок. Послышался треск древесины, рев вздымающейся в воздух земли, и короткие, отдаленные крики. По шлему градом прошлись мелкие, легкие удары. В этот момент в голове творилась полнейшая неразбериха. Мольбы о выживании смешивались со страхом, и неким умиротворением на подобии: "Вот и всё".

Ужасная неопределенность заставляла лежать, не дыша на протяжении всего обстрела. Один раз, снаряд, казалось, разорвался чуть-ли ни в метре от юноши, тем не менее, он ни двинулся ни на сантиметр, впав в полное оцепенение до наступления полной тишины. Когда же воцарилось спокойствие, молодой человек медленно приподнялся, протирая глаза, и отряхиваясь от налипшего на форму чернозема. Прямо напротив стоял трясущийся солдат. Выбрался облегченный вздох. В мысленном сумбуре последний оставшийся соратник возникал нередко, и переживания за него, местами, достигали большей силы, нежели беспокойство за самого себя. Во взгляде новобранца также показались облегчение и радость. Он сделал несколько, трудно давшихся ему, шагов на встречу. Сквозь покрытое пеплом и черными разводами лицо, прорезалась измотанная, но самая искренняя улыбка. Подойдя ближе, юноша развел руки для братского объятия, но в это мгновение раздался свист. И счастливый, пару секунд назад мальчишка, повалился с ног. Одновременно с этим, в голове Юры почти полностью обрушился создавшийся у него до войны, внутренний мир. Он рванул к части склона, откуда стало видно последнего, столь подло заставшего их, стрелка Федерации, и выпустив в него весь боезапас, кинулся к раненому товарищу, подперев его голову своей рукой. Прямо в его глаза был направлен подрагивающий, душераздирающий от печали и утраченной надежды взгляд. Изо рта подступала кровь, выплескиваемая редкими горестными всхлипами, растекающаяся по бледным, почти белым губам и горлу.

– Потерпи, брат, немного осталось. О нас не забыли, как видишь, скоро обязательно кто-то придет! Как звать тебя, боец?

– Алексей… – еле слышно вырвалось изо рта, лежащего.

– Ты молодец Лёха, Родина не забудет того, что ты для нее сделал!

Комиссаров хаотично осмотрел пояс, и лежавшие рядом, цельные тела бойцов. Рядом не оказалось единого бинта или тампона. Такое ощущение, что никто и не предусматривал выживание этих солдат. Другой помощи, кроме как моральной, оказать сейчас было невозможно. Взгляд Алексея покосился, зрачки скатились в бок.

– Ты куда!? Леха! – Юра несколько раз аккуратно стукнул умирающего товарища по щекам, – приказа умирать не было! Смотри на меня, слышишь! В глаза мне смотри, и не смей отключаться!

Сейчас и его голос начал подрагивать, а к гортани подступал противный ком. Кровь начинала заливать руку. А через несколько мгновений, легкие солдата издали последний вздох, предварительно выдав тихое "Спасибо". Из глаз полились слезы сожаления и невероятной грусти, разрывающей изнутри, хотелось орать и плакать, поминая всех, кто ещё с утра со счастливыми лицами ехал по этой проклятой дороге с ожиданиями стать героем. По сути. Ожидания не оказались напрасными. Они стали героями. Каждый из них. Героями без имен. Им вряд ли поставят памятники, или повесят памятные таблички. Что уж тут. Возможно их даже не похоронят, а просто так и оставят лежать в бескрайней тундре, у высоты, путь на которую оказался расчищен.

Юра сорвал с шеи нескольких покойных однополчан жетоны, после чего завернул в слегка подгоревший флаг с серпом и молотом, висевший на подбитом танке в начале колонны, после чего сложил в карман. Наладив связь, используя частично работающую рацию в одной из машин, получилось успешно запросить эвакуацию. По прошествии около часа, на обочину у автострады завернул крытый грузовик с нарисованным красным крестом на борту. Комиссаров не заставил себя ждать, и быстро проследовал внутрь, забравшись в кузов. Внутри сидело два полевых врача. Мужчина и женщина. Под касками их лицо почти полностью было замотанно марлей, оставляя видимыми лишь глаза, и одутловатые темно-синие, почти черные синяки под ними. Огрубевшие, осыпающиеся ладони терлись друг о друга, желая согреться. Первоначально Юра был встречен вопросительным взглядом, но после обнажения траурного свертка, тот сразу же переменился на сочувствующий. Выждав еще минуту, транспорт тронулся, направившись назад, в сторону места дислокации ближайшей воинской части. По достижению места назначения Комиссаров был спроважен к ВРИО здешнего командования, и опрошен о том, как прошла операция, и была ли выполнена поставленная боевая задача. Информация об уничтожении партизанских отрядов Федерации оказалась не совсем удовлетворительной, и получив весть о том, что желаемая высота так и не была взята, опрашивающий попросил Юру покинуть кабинет. Определяясь с местом будущего ночлега, коим должна была стать койка в землянке, юноша направился в сторону лесополосы, пролегающей неподалеку. Как только подходящее место было найдено, складная лопатка взрезалась в почву, начав разбрасывать в стороны груды земли. В вырытую ямку был сложен сверток с жетонами. Чернозем горстками упал сверху. Выложив камнями надпись "Здесь похоронены герои", Комиссаров отдал честь павшим товарищам, и медленно направился назад. ¶¶

Лена сидела на крыше панельного здания свесив ноги вниз, и наблюдала за суетящимся внизу городом. Место, получившее название "Дальнеполярный-13" начали спешно подготавливать к обороне. По данным федеральной разведки, "Красные" нацелились на этот населенный пункт, и предпримут попытку взять его уже завтра. По улицам ездили грузовики с полными кузовами мешков с песком, периодически останавливаясь, выдавая солдатам несколько, для создания укрытий. Многие квартиры заняли под огневые точки. Несколько здешних жильцов успели покинуть город до приезда в район военного комиссара, оставшихся же, скоро немедленно призовут под ружье, дабы те защищали свою землю. И, к сожалению, армейской администрации повстанцев совершенно все равно кого нужно будет призвать, будь то женщина, шестнадцатилетний подросток, или инвалид, который не сможет даже пробежаться. Когда опасность взятия врагом определенной точки по мнению штаба была достаточно высока, на оборону выставляли абсолютно всех. За Красновой также должны были прийти. И она это прекрасно знала. Но это не являлось для нее особой проблемой, скажет, что готова защищаться, скажет, что автомат свой есть, и опыт стрельбы, после чего от нее отстанут. А в ходе боя, в котором сама девушка не слишком планировала принимать участие, никто проверять не

соберется. Задумавшись о возможном скором визите военкомата, Лена возвратилась в квартиру. Стук в дверь послышался буквально спустя пару минут. Дверь была сразу же отперта. На пороге показался невысокий мужчина в фуражке, в сопровождении двух, на удивление хорошо экипированных, автоматчиков.

– Добрый день, – комиссар вынул из кармана куртки сложенную бумажку, после чего развернул и тихо прокашлялся.

– Добрый.

Военком кивнул.

– В связи с постановлением Федерального совета глав объединенных регионов от 12 ноября 2020 года, и получением областными управлениями соответствующих полномочий, связанных с разрешением для штабного командования к проведению специализированной периодической мобилизации по причине военного положения, вам предоставляется выбор. У вас есть возможность присоединиться к отрядам гражданской обороны, или же, предоставить свое имущество федеральным силам, для помощи в обороне города.

"Конечно, и лишиться дома, в это время отдавая долг свободной родине в трудовых лагерях. И права человека, и свобода в одном лице" – промелькнуло в голове Лены.

– Что ж.. я готова вступить в ряды гражданской обороны.

– Отлично, – сухо ответил мужчина, протянув Лене небольшую анкету для заполнения, и почти закончившуюся синюю ручку.

Девушка быстро начиркала свои инициалы, адрес и некоторую другую общую информацию, затем отдала бланк, и спешно попрощавшись с нежеланными гостями, закрыла дверь со вздохом. Взяв с кухни автомат, Лена присела к окну, положив руку на подоконник. Взгляд постепенно перешел на лежащий рядом сигнальный пистолет. Насчет завтра она сильно старалась не задумываться. Основная, и практически единственная мысль заключалась в том, что ей абсолютно неважно, насколько будет трудно и больно – главное, чтобы она снова увидела его глаза, а быть может, и взяла за руку. Она грезила о том, чтобы Юра, пришел и забрал её, отчасти, даже, неважно куда. Последние пару дней он не покидал ее голову по одной веской причине – больше цель в своем существовании, но, а встреченный недавно юноша, попросту и без объяснений, ворвался в её серый внутренний мир, и разжег там огонь. Но вот чего именно, пока что, сказать наверняка было нельзя. Возможно, это просто надежда на изменения, а может быть, и что-то гораздо более высокое, и незнакомое слегка замерзшему сердцу. Но если задуматься, если это просто надежда, то что за искра тогда промелькнула между ними на недавнем закате? Разве, изжитая в подростковом возрасте, несбывшимися обещаниями правительства и родителей, надежда на нечто светлое, заставляет сердце начинает биться так громко и часто? Её приход, с наибольшей вероятностью выглядел бы как постепенное воодушевление. С другой стороны, разве ночной прогулки и проведенного вместе вечера, хоть и в не самых обычных обстоятельствах, может быть достаточно для разжигания подобного пожара чувств? Хотя, в детстве мама часто говорила, что любовь зачастую подобным образом и берется. Падает как снег на голову посреди летнего зноя. Падает, и вместе с собой обрушивает на тебя огромный сугроб мыслей, новых ощущений, и разнообразных последствий, которые, в случае существования у тебя душевных дыр, становятся идеальными заглушками. По рассуждав еще около десяти минут, Лена определила абсолютную прелесть тех событий, что произошли между ней и Юрой, и твердо решила плыть и дальше по этому любовному течению. Впрочем, что ещё могла предпринять девушка, опыт в отношениях которой, заканчивался на совместных прогулках в классе так 8-м. Сейчас её оставалось только сидеть, ждать, и когда придет момент, а в том, что он придет, Лена была уверена, не упустить его.

Чтобы прервать дальнейшие, уже идущие по спирали раздумья, перевесив автомат через плечо, девушка направилась на улицу, с целью совершить небольшую прогулку по своему району. Снаружи кипела жизнь. Застывший в вечных снегах Дальнеполярный словно заново ожил.

Только оживление это скорее походило на подготовку к последнему вздоху. Во дворах жилых домов устанавливали зенитные орудия, затем накрывая их маскировочными сетками. На этом участке фронта ладных разведывательных дронов не видели уже много лет, поэтому подобные технологии сейчас были вполне актуальны. В малонаселенных участках города располагали оставшиеся в запасе гаубицы, и реактивные системы залпового огня. Внутрь заряжались немногочисленные боеприпасы, которых, в данном случае, должно будет хватить лишь на пару залпов. Основная тяжесть обороны, к сожалению, ляжет на плечи партизан и мобилизованных граждан. И в отличии от новоиспеченной пехоты "Красных", сражений и смерти многие из них до ужаса боялись. Пропаганда Федерации уступала коммунистам по всем качествам, что сильно отражалось на слаженности и чувстве самопожертвования среди большинства служащих, вернее, в его отсутствии. Помимо закаленных многомесячными боями партизан и егерей, отдать свою жизнь за бесчисленные расплывчатые идеи, связанные с невидимой свободой и либерализмом, никто сильно не стремился, что порождало разобщенность между матерыми ветеранскими частями, и отрядами даже не прошедших полный курс молодого бойца. Накопленный на протяжении долгих лет опыт правления, знатно облегчал жизнь властям социалистов, что невозможно было не заметить. При практически одинаковых условиях, "Красные" смогли организовать и учебные полигоны, и возобновить работу военных комиссариатов, и получили регулярный приток пачек подготовленных, идейных, и рвущихся в пекло новобранцев.

Лена пошла в сторону теплотрасс. Место недалеко от них, стало её персональным пристанищем на то время, когда ей нужно подумать о чем-то глубоком (а в ее случае глубоким считалось все, что заходило за рамки рутинных размышлений о бытовых делах) или, в куда более частых случаях, помечтать. Там никогда никого не было, что позволяло насладиться необыкновенной тишиной. Привычно шагая по давно остывшим трубам, девушка направлялась в сторону небольшой, поросшей голыми деревьями полянки, находящейся между заброшенной ТЭЦ и узкой речкой, на которой сейчас находился, на удивление прочный слой льда. Под ногами скрипел совсем девственный, вновь выпавший снег, а абсолютное безмолвие разбавляло разве что еле-слышное завывание ветров. Задумавшись о том, как ей быть завтра, Лена ушла довольно далеко, дойдя до гораздо более обширного поля. Здесь она ранее не бывала. Далее расстилалась только безмолвная лесотундра, исполосованная редкими автострадами, уходящими в никуда. Подойдя к стоящему в десятке метров знаку, и стряхнув снег, на глаза показалась перечеркнутая красной линией надпись "Дальнеполярный-13". Вероятно, где-то под небольшим белым покровом скрывается дорога, идущая от отопительной станции. Внезапно, какофонию холодных ветров прервал отдаленный звук шагов. Лена повернулась в сторону скрипящего снега. Около схода к реке виднелся темный, постепенно отдаляющийся силуэт. Алертное сознание сию же секунду принялось преподносить теории о том, кто это мог быть. Конечных вариантов было двое. Либо такая же заблудшая душа, как и сама Лена, либо кто-то из разведки "Красных", что, между прочим, вполне могло быть правдой. Девушка смахнула с плеча автомат, перехватила его и рухнула на землю, припорошив саму себя снегом. После снятия предохранителя разразилась короткая очередь, направленная в воздух. Не заставляя себя ждать, тут же раздался ответный треск. Видимо, дозорный не увидел стрелявшего. Как бы там ни было, уже через пару секунд тело пытавшегося скрыться в дали человека, рухнуло на землю. Выждав, Краснова поднялась, и медленно зашагала по направлению к убитому. На ватнике зияла бурая дыра, откуда постепенно начинала сочиться кровь. Поддев дулом автомата ремешок перевешенной через плечо сумки, Лена слегка подтащила ту к себе, после чего перерезала ткань. Краем глаза осмотрев ее содержимое, девушка побежала в сторону дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.